

Шэнь Цин сидел у колодца-журавля и качал ручку много раз, пока наконец не пошла немного воды. Увидев, что она мутная, ему пришлось порыться в рюкзаке, найти бутылку минеральной воды и обмыться ею.

— Отойди!

Лу Тяньмин, похоже, беспокоился о нём и вышел вслед за ним, остановившись неподалёку. Шэнь Цин чувствовал раздражение, всё тело было липким, он стоял спиной к Лу Тяньмину и усиленно мылся. В душе ему было спокойнее — так он не так боялся окружающей жуткой атмосферы.

— Я тебе противен?

Лу Тяньмин, накинув пиджак, скрестив руки, стоял у колодца и поддразнивал его.

— Противен. И дядя, и второй брак, и сын уже такой взрослый, и ещё любовниц на стороне заводит, никуда не годится.

Шэнь Цин закатил глаза, явно раздражённый.

— Значит, по-твоему, я вообще ни на что не гожусь?

Лу Тяньмин рассмеялся.

— У тебя есть деньги.

Шэнь Цин выжал маленькое полотенце и вытерся:

— Сейчас девчонки любят богатых. Хм, язва капитализма.

— А деньги тебя чем обидели?

Лу Тяньмин с трудом сдержал улыбку, укутал его пледом, поправил ему волосы:

— Иди спать как следует, не выдумывай без дела.

Шэнь Цин пошёл с Лу Тяньмином обратно к палатке, но на полпути вспомнил, что оставил бутылку с водой у колодца. Поспешно пройдя через храм, чтобы забрать её, он обернулся и остолбенел. В скупом лунном свете он увидел женщину в белом платье, сидящую у колодца с наклонённой головой и расчёсывающую волосы. Она мельком взглянула на него, её зрачки были мертвенно-белыми, она широко улыбнулась ему, обнажив зубы.

— А-а-а!!!

От его крика фигура мгновенно исчезла. Лу Тяньмин инстинктивно, словно защищая детёныша, оттащил его за собой и нащупал кобуру с пистолетом на поясе.

— Нет... не...

Шэнь Цин выдохнул, сердце бешено колотилось, он схватил руку Лу Тяньмина:

— Не доставай пистолет... Я... я... только что видел женщину...

— Где?

На лице Лу Тяньмина было недоумение, он огляделся:

— Никого нет, тебе показалось.

Шэнь Цин тоже подумал, что ему померещилось. Он, держась за руку Лу Тяньмина, пошёл обратно, зашёл в палатку. Лу Тяньмин обнял его сзади, откуда-то достал расчёску и стал приглаживать его взъерошенные волосы.

— В следующем месяце как следует вернёшься в школу учиться, сдашь выпускные экзамены, а потом я отвезу тебя отдыхать в Рим.

— Пф.

Шэнь Цин уже знал его методы:

— Наверняка ты тоже поедешь в Рим по делам или для бизнеса, а меня возьмёшь заодно.

Лу Тяньмин грубо потрепал его по голове. Шэнь Цин, не желая уступать, перевернулся и придавил его сверху. Они поборолись, покотившись друг на друга, и в итоге Шэнь Цин уверенно прижал Лу Тяньмина, тяжело дыша от усталости, не смог сдержать смеха. Возможность так потеснить другого казалась ему куда приятнее, чем раньше.

Посмеявшись, он снова застыл в задумчивости. Когда они стали так близки, он и сам не мог точно сказать. Почему? Он читал много романов, где чувства главных героев были неясны, и он всегда считал это натянутым, но когда дело дошло до него самого, он понял, что так оно и бывает.

Чувства — дело туманное, их невозможно чётко объяснить. Ещё не осознав, вроде как уже влюбился, постепенно привыкаешь к этому человеку, а стоит ему не хватать — чувствуешь, будто от тебя отрезали кусок мяса, и всё тело не на месте.

— Признавайся скорей, зачем ты приехал в эту деревню?

Шэнь Цин, лёжа на груди Лу Тяньмина, не удержался и продолжил допрашивать.

— Зачем приехал? На пикник.

— Какой ещё пикник, твою дивизию! Говори серьёзно!

Шэнь Цин увидел, что Лу Тяньмин снова играет с его телефоном, и тут же потянулся, чтобы отобрать:

— ...А кто эта женщина в купальнике на этой фотографии?

— Учительница Аои Сора! Ты что, дурак? Не смотришь фильмы для взрослых? Такую известную учительницу не знаешь?!

— Ты любишь женщин?

Лу Тяньмин нахмурился, глядя на него.

— ...Ну да. Не смотри на меня так. Девушки действительно мягкие и милые. Я просто смотрю, я с другими девушками не встречаюсь. Ты разве тоже не любишь женщин?

— У меня в телефоне нет фотографий женщин.

— В твоём «Нокиа» вообще нет функции хранения фотографий! Хочешь посмотреть? У меня в телефоне есть фильмы.

Шэнь Цин подполз к нему и лёг рядом.

Они вместе три минуты смотрели фильм для взрослых с стонами и тяжёлым дыханием. Лу Тяньмин хмуро смотрел, критически оценивая, и через некоторое время произнёс:

— Женщина симпатичная, а мужчина слишком пошлый. Тебе нужно поучиться. Смотри, каждый раз, когда ты со мной занимаешься, деревянно зажимаешься, при смене позы орёшь как резаный.

— Ну и что, что у меня техника хромает.

Шэнь Цин закатил глаза:

— Ты же знаешь, что эти актрисы обычно очень опытные, а я... я просто...

— Ты слишком консервативен, Шэнь Цин. Заниматься любовью — это естественно, а ты каждый раз так сопротивляешься.

— ...Думаешь, я хочу!? У тебя этот прибор такой здоровенный, представляешь, как больно, когда он входит? У тебя везде всё большое, нигде нет ничего изящного! В первый раз у меня даже кровь пошла! Чёрт побери, будешь приставать — ляжешь под меня, и я, юный господин, гарантирую, буду активен и буду с тобой каждый день трахаться.

— В следующий раз сверху будешь ты, ты сам будешь контролировать скорость моего проникновения, тогда не...

— А-а-а, заткнись, заткнись, заткнись! Я не хочу слушать! И тебе не стыдно такое говорить, бесстыдник.

Действительно очень консервативен. Лу Тяньмин подумал об этом и в темноте не смог сдержать улыбки. На самом деле они занимались этим не так уж много раз — оба были заняты работой, случилось, что они не виделись по несколько месяцев, поэтому Шэнь Цин в этом отношении был ещё очень неопытен, хотя тело у него было чувствительным — от одного прикосновения взрывалось.

— Вообще-то... японские актёры некрасивые, пресса нет, и член у них не такой большой, как у тебя.

Шэнь Цин, не слыша от Лу Тяньмина долгое время ни слова, почувствовал, что, возможно, переборщил с реакцией:

— Ты, парень, чуть симпатичнее их.

— Необычно, знаменитость впервые меня похвалил.

Лу Тяньмин усмехнулся.

— А можно мне измерить, какой у тебя... длины?

Шэнь Цина вдруг охватило любопытство:

— Знаешь, судя по моему опыту в мужском туалете, ты выдающийся. Хочу узнать цифры.

— ...Скучно. Спи уже.

— Блин, не будь жадиной, дай померить.

Шэнь Цин потянулся под одеяло, но его руку схватили.

— Задницу захотел? Опять шкура чешется?

— Говорю тебе, благородный муж действует словами, а не руками, я просто предложил! Ты такой надоедливый! Разве мужчины не могут просто по-дружески померить друг у друга члены!? Не суй руку в мои трусы, ай! Надоел, я только что помылся!

— Тебе можно меня трогать, а мне тебя нельзя? Какие строгие правила.

— Давай никто никого не трогает, ладно!? Не снимай с меня штаны, я только что переоделся! Надоел!

Шэнь Цин изо всех сил удерживал пояс штанов:

— Если будешь настаивать, я пойду спать снаружи, не буду с тобой, пойду к твоим подчинённым.

— Ты хочешь спать с моими подчинёнными? Хм, какой же ты развратный. Кого? Назову по имени, пусть зайдёт и спит с тобой.

— Отстань!

Шэнь Цин разозлился от его приставаний, перевернулся к нему спиной. Помолчав какое-то время, он снова почувствовал, как Лу Тяньмин обнял его сзади, прижался к уху и прошептал:

— Ещё раз, не двигайся.

Шэнь Цину стало невыносимо обидно. Он лягнул его, но тот, воспользовавшись преимуществом в весе, придавил его так, что тому чуть не перехватило дыхание. Делать было нечего, да и неловко было поднимать шум, чтобы все подчинённые в соседних палатках услышали. Лу Тяньмин обнял его сзади, Шэнь Цин крепко зажмурился, думая, что зря он мылся.

— ...М-м... я не могу, правда...

— Знаю, что ты кончил. Я ещё нет, сотрудничай немного, подними одежду, я потрогаю.

И снова Шэнь Цин не спал всю ночь. На следующее утро он встал с тёмными кругами под глазами и обнаружил, что все, кто был в лагере, ушли на поиски. Остались только два молодых телохранителя, которые смотрели на него с многозначительными улыбками, пошлыми и ещё более пошлыми.

Тем временем Лу Тяньмин тщательно обыскал заброшенную старую деревню с начала до конца, разослал подчинённых на разведку и снова невольно вспомнил ощущения от прошлой ночи, когда он держал Шэнь Цина в объятиях.

Температура Шэнь Цина была слегка прохладной, что как раз подходило господину Лу, выходцу из военных, который всегда был весь горячий — обнимать его было как охлаждаться. К тому же от Шэнь Цина всегда исходил приятный аромат мыла, не такой, как у изысканных дорогих духов, а мягкий. Его мягкие чёрно-каштановые волосы были похожи на пух цыплёнка, вызывая невольную нежность.

Господин Лу невольно вспомнил одно событие далёкого-далёкого прошлого. Оно было таким давним, словно случилось во сне: навес над крыльцом в старом жилом квартале, ряд заржавевших прикованных велосипедов и тусклый жёлтый свет вдали — эти образы всегда тонкими нитями проникали в глубины его сновидений.

<http://bllate.org/book/15584/1392242>